

Посвящается моему мужу

ГЛАВА 1

Нук

Полицейская машина стояла перед главным входом прямо посреди школьного двора, между обшарпанными скамейками и слегка завалившимся на бок столом для пинг-понга. Я сидел на ступеньках, рассматривал потухшие мигалки на крыше автомобиля и слизывал кровь с разбитой губы.

Третий вызов полиции за полгода. Я побил собственный рекорд. Адреналин схлынул, как волна после прибоя, оставляя после себя только бессилие и притупившуюся злость.

— Слушай, чувак, может, свалим отсюда? — Йоханн присел рядом.

Друг слегка толкнул меня локтем, чтобы я подвинулся, и выдохнул в лицо облако сигаретного дыма. Я скривился от мерзкого запаха. Когда-нибудь я выбью из этого низкорослого придурка привычку курить.

— Они знают, где я живу. Либо сейчас заберут в полицейский участок, либо из дома. Разницы никакой...

Йоханн глубоко затынулся, тоже уставившись на полицейскую машину.

— Думаешь, тебя посадят?

Я пожал плечами.

— Вряд ли. Скорее, отправят на общественные работы.

— Я могу попросить родителей вступиться за тебя, — неуверенно протянул Йоханн. — Не знаю, что это даст, но можно попробовать.

Его родители были замечательными людьми. Шестнадцать лет назад они, этнические немцы, бросили всех и вся в родной Сибири и переехали в Германию, чтобы дать единственному сыну шанс на лучшее будущее. Но, вырванные из родной среды, они так толком и не прижились, крутились среди таких же поздних переселенцев и большую часть времени говорили по-русски. Плохо представляю, каково им было на первых порах. Я полгода провел в приемной семье, лишенный всего, что любил, и мне хватило этого опыта на целую жизнь.

— Не впутывай их в мои проблемы. Я накосячил, мне и расхлебывать.

Ради Йоханна они бы сказали что угодно. Даже что это они набили морду Свену и разнесли в щепки школьные шкафчики.

Дверь за спиной распахнулась, и я медленно обернулся. Майк, огромный широкоплечий полицейский в темно-синей форме и с пышными черными усами,

хмуро уставился сначала на меня, потом на Йоханна и в итоге задержал взгляд на сигарете, зажатой между зубами друга. И молчал так до тех пор, пока сигарета не оказалась на холодной земле, припорошенной снегом.

— Убери потом окурок, — сказал Майк и повернулся ко мне. — Никлас — за мной.

Я кивнул Йоханну на прощанье и пошел к машине. Развалился без приглашения на переднем сиденье и стал ждать, когда Майк займет место водителя. Все как и два года назад, когда он приехал за мной в школу, чтобы объявить о смерти своего напарника. Моего отца. Только сегодня Майк точно не будет со мной сюсюкать.

Но вот он захлопнул дверь, пристегнулся и косо посмотрел на меня. Я закатил глаза, защелкнул свой ремень безопасности и демонстративно подергал за него. Зануда. Мы выехали с территории школы, влились в поток машин на одной из главных улиц Любека, а буря все не начиналась. Майк угрюмо смотрел на дорогу, вцепившись в руль. Карие глаза сузились до щелочек, темная щетина не скрывала красных пятен гнева на щеках. Он был недоволен мной. Но я сам все понимал, незачем наказывать меня молчанием, как маленького ребенка. Спустя минут десять я не выдержал.

— Если тебе нечего сказать, то останови машину, я выйду.

Майк так резко вдарил по тормозам, что в нас чуть не врезался идущий позади «Фольксваген». Полицейская машина затарахтела и запрыгала, шины противно

заскрипели об асфальт. Я быстро выставил ладони вперед, чтобы не стукнуться лбом о бортовую панель.

— Водительские права тебе подарили вместе с полицейской формой? — съязвил я.

Распрямился и потянулся, чтобы отстегнуть ремень безопасности, но тут же замер, когда Майк замахнулся. Я не вжал голову в плечи, а с вызовом посмотрел ему в глаза. Затрещиной меня не испугаешь. И все лучше, чем дебильное молчание. Но прошло еще одно мгновение, и Майк махнул на меня рукой, отвернулся и вновь нажал на газ. Мы двинулись по набережной Траве прочь от той части города, где находился его полицейский участок. Я почувствовал странную смесь облегчения и стыда.

— Вроде взрослый парень, а мозгов кот наплакал, — сказал Майк, качая головой. — Ты что думаешь, тебя за красивые глаза на спортивную программу в полицейскую академию возьмут? Да черта с два, Ник! Знаешь, сколько ребят пытаются туда прорваться? Сотни человек на одно место! Помимо спортивных достижений нужно иметь хорошее личное дело, рекомендации учителей и нормальный аттестат. А у тебя одна драка за другой! Порча школьного имущества! Третий вызов за полгода! Третий!

С каждым словом его голос становился громче, и я снова начал заводиться.

— Сам знаю! — ошетинился я.

Полицейская академия была моим единственным шансом на нормальное будущее. Я горел академической

греблей, любовь к которой мне привил отец, а шансов заниматься ей на профессиональной основе имелось всего два: в университете или в полицейской академии. На студенческую стипендию я не проживу, даже на то, чтобы снимать квартиру, не хватит, да и оценки оставляли желать лучшего. А вот в академии действовала специальная федеральная программа для спортсменов: хорошее финансирование и учебный план позволяли готовиться к Олимпийским играм, параллельно получая профессию полицейского и отличную зарплату. Идеальный вариант для таких нищобродов, как я.

— Тогда нахрена ты сломал нос однокласснику? — заорал Майк.

— Потому что он... — взорвался я, но в следующее мгновение замолчал и облизал разбитую губу.

— Что он?..

— Ничего.

— Ник, тебя исключили из школы! — взревел Майк. — Ис-клю-чи-ли! — Он произнес слово по слогам, будто забивал гвозди в гроб. — Объясни, какого черта там случилось, или я палец о палец больше не ударю, чтобы спасти твою задницу.

Я опустил взгляд на протертые на коленях джинсы, заметил засохшие капли крови. Заскрипел зубами от злости на самого себя. Лишиться аттестата за полгода до выпускного означало упустить шанс заниматься греблей профессионально. Черт! Не думал, что слюняй Беренс пойдет на такой шаг. Сейчас вся надежда только на Майка.

— Свен растрепал на всю школу, что видел мою мать у «Канавы Ангелов». В стельку пьяную, полуголую. В компании двух мужиков. — К горлу подкатила тошнота. Саднящие кулаки зачесались. — Я заставил Свена заткнуться.

Майк выругался.

— Это правда?

Я пожал плечами.

— Думаю, что да. Она три дня дома не появлялась.

— Почему не позвонил мне?

Я начал отковыривать засохшую кровь с джинсов, лишь бы занять руки и не смотреть Майку в глаза.

— Ты ее знаешь.

После смерти отца мама начала пить. Все произошло незаметно: сначала пара бокалов вина, потом — пара стопок виски, потом — бутылок. Ее выгнали из ресторана, где она работала администратором, а вдовья пенсия утекала сквозь пальцы и оседала в магазине «Вивино» и пабах. Каждое утро начиналось с того, что я собирал пустые бутылки с кухонного стола, чтобы было куда поставить миску с хлопьями.

Спустя полгода сердобольные соседи растрепали о нас всем вокруг, маму уpekли в государственную реабилитационную клинику, а мне — шестнадцатилетнему — гребаные бюрократы не позволили жить одному. Майк пытался забрать меня к себе, но ему отказали: не женат, маленькая жилплощадь, опасная профессия. И плевали они на то, что он был единственным, кому до меня было дело. Они нашли в своих правовых

документах отмазки и засунули меня, как щенка, на передержку к семье с восьмью такими же неудачниками, как я. Там меня и научили драться.

Когда мама завершила лечение, то сразу забрала меня из того гадюшника, и я даже поверил, что все придет в норму. Не пришло. Уже через пару недель она купила бутылку вина, но на этот раз я научился лучше скрывать наши проблемы и составил план: дотерпеть до совершеннолетия, закончить школу, поступить в полицейскую академию и оплатить маме лечение в частной клинике в Гамбурге. Я не знал, поможет ли ей, но должен был верить, ведь ничего другого мне не оставалось. Но и тут не сложилось, потому что Свен не мог держать язык за зубами, а я — свои кулаки при себе.

Что теперь будет?

Я поднял взгляд на Майка, который с печальной миной на лице смотрел на меня. Оказывается, машина была припаркована на стоянке перед Старой гимназией в десяти минутах ходьбы от реки Траве, в самом центре Любека. Здание было древним, из темного кирпича, с позеленевшей от времени крышей. Никакого забора из проволоки, никаких граффити.

— Что мы здесь делаем? — спросил я.

— Ты идешь бегать вокруг школы. Не забывай, в конце января первый этап отбора в академию. Тебе нужно тренироваться. Пять километров сами себя не пробегут.

— Но...

Майк не дал мне договорить.

— А я иду к директору. В этой гимназии вековые традиции и своя лодочная станция с лучшим оборудованием только для учеников гимназии. Их команда по гребле неизменно занимает призовые места на соревнованиях.

— Но...

— Выметайся из машины. — Он посмотрел на часы. — Моя смена закончилась два часа назад, я не спал больше суток.

Послушно выбравшись из машины, я снял куртку и кинул ее на сиденье. Закатал рукава свитера и побежал вдоль школы. Для полноценного стадиона в центре города места, видимо, не нашлось, поэтому я наматывал круги вдоль дороги от детской библиотеки до церкви Св. Екатерины, пытаюсь игнорировать прохожих, которые заметно шугались из-за моего разбитого лица. Морозный январский ветер хлестал по щекам, я даже перестал чувствовать боль от ссадин и ушибов. Мой взгляд скользил по стенам гимназии: благородно потемневший и потрескавшийся кирпич, большие окна с белыми реечками и вековые дубы перед входом. Чертов Хогвартс, не иначе. Однако главное — это лодочная станция. Вот бы Майку удалось пристроить меня сюда... А если не удастся?

Я замедлил шаг и сел на скамейку перед входом в школу. Без аттестата меня не возьмут в полицейскую академию, даже если мне удастся пройти все три этапа отбора. Кандидаты должны быть выносливыми, хорошо образованными, стрессоустойчивыми, друже-

любными, с образцово-показательным личным делом. Ничего удивительного, что только один из ста соискателей проходит отбор.

Понурился, я рассматривал носки своих потрепанных кроссовок. На хрена я полез к Свену, когда до выпускного всего полгода? Почему не промолчал? Ведь мне и не такое приходилось терпеть.

Когда из школы вышел Майк и направился ко мне, я остался сидеть на скамейке, пытаюсь угадать по его лицу, удалось ему спасти мое будущее или нет. Меня до чертиков нервировала его невозмутимая физиономия. Наконец встав напротив меня, он шумно выдохнул и отрицательно покачал головой.

Твою ж мать!

Со всей дури я стукнул кулаком по деревянным брусьям скамьи. Дерево выдержало, зато и без того разбитые костяшки занули с новой силой. Ужас тисками сжал внутренности. Все, мне конец. На меня навалилась такая тоска и безысходность, что даже вздохнуть было больно.

— Запомни это чувство, Ник, — спустя время нарушил тишину Майк. — Именно так ты будешь ощущать себя, если еще раз оступишься.

— Что? — ошарашенно переспросил я, вскинув голову.

Наглая улыбка изогнула губы Майка.

— Я смог договориться с герром Шредером. Тебя примут в гимназию. Но учти: одно слово, и ты снова окажешься на улице. И в этот раз — навсегда.

Я вскочил на ноги, захлебываясь от накатившей эйфории, толкнул Майка ладонями в грудь, но потом обнял до треска в ребрах.

— Сукин сын, — засмеялся я.

Майк обхватил меня сзади за шею и заставил посмотреть ему в глаза.

— Это последний шанс. Понял?

— Да.

ГЛАВА 2

Лу

Рука Патрика скользнула под платье. Наконец-то. Мне казалось, что прошла уже целая вечность с тех пор, как мы поднялись в его комнату и он повалил меня на кровать. Разгоряченная после трех стаканов глинтвейна, теряясь в музыке, сотрясавшей его дом, я плотнее закрыла глаза. Иногда я представляла, что целуюсь не с Патриком, моим парнем, а со Стивом, которого сыграл Мэттью Макконахи в фильме «Свадебный переполох».

— Лу! — раздался разгневанный голос Эммы с другой стороны двери.

Я разочарованно застонала.

— Луиза!

Кто-то толкнул меня в плечо. Я заморгала и поняла, что стою на третьем этаже в коридоре школы перед шкафчиком, в котором хранились мои учебники.

Только сейчас, после двух недель зимних каникул, до меня дошло, что слева от моего шкафчика находился шкафчик Эммы. С пятого класса, как только вместе перешли в старшую школу, на каждой перемене мы стояли тут рядышком, придумывали тему для следующей вечеринки и планировали открыть ивент-агентство после выпускного наперекор ее родителям.

Интересно, успели ли они уже забрать ее вещи из шкафчика? Я знала код, могла открыть и проверить, но руки задрожали. Было страшно увидеть зияющую пустоту.

Так и не дотронувшись до замка, запихнула зимнюю куртку в свой шкафчик и оглянулась по сторонам. К счастью, Патрика нигде не было видно. Глупо было надеяться, что мы больше никогда не столкнемся, учитывая, что наши младшие братья друзья не разлей вода, наши отцы работают вместе, а мы с ним учимся в одном классе. И все-таки я натянула капюшон толстовки и опустила глаза в пол. Еще одного публичного выяснения отношений, как на похоронах, я просто не переживу.

Я направилась на урок литературы. По пути к кабинету у доски объявлений собралась толпа ребят, и я вся сжалась, боясь заметить среди них Патрика, но вдруг чей-то голос заставил меня остановиться.

— Какая нелепая смерть.

Поднявшись на цыпочки, я увидела, что именно рассматривали школьники на доске объявлений. По центру висел черно-белый портрет блондинки